

22.1.02
Ирина Левитанская

«МНЕ БЫЛО ЕМУ 63...»

Ирина Левитанская, вдова замечательного поэта-фронтовика Юрия Левитанского, которому сегодня исполнилось бы 80 лет, вспоминает короткую и яркую историю их любви

Ира, как вы познакомились?

В Юрмале, он отдыхал в Доме творчества писателей, я жила у мамы, у нее неподалеку был дом. Я шла на электричку, он прогуливался в парке. Чтоб не опоздать, спросила, который час. Дальше иду, он идет рядом, пожилой человек интеллигентного вида, я вежливо разговариваю. Проводил до станции. А на следующий день или через пару дней выхожу из автобуса — он идет с писателем Виктором Славкиным.

Вы знали, что это Славкин?

Я никого не знала. Я жила в Уфе, воспитывалась бабушкой и дедушкой, родители отдельно, окончила два курса университета. Они идут с полными авоськами спиртного, была распродажа виски. Здравствуйте — здравствуйте. Жена Славкина подошла. Она спросила: а вы знаете, кто это, известный поэт Юрий Левитанский?

Вы и фамилию не знали?

Фамилия мне была известна, филологическое отделение все-таки, но не настолько, потому что я занималась германистикой и вообще из другой среды. Дня 3-4 мы провели вместе, несколько раз прогулялись по парку, он пригласил зайти в Дом творчества, все. Я уже должна была улетать. Он говорит: можно я приду провожу вас хотя бы к электричке. Как-то трогательно попросил написать, дал адрес. Никакого романа не было. Я бабушкина внучка, правильного воспитания, у меня и не было никогда стремления подойти к поэту или писателю. Если б мне кто сказал, что я выйду за него замуж...

Я уехала к себе. Прочла его книгу, она мне безумно понравилась, думаю, напишу, человек просил. Написала несколько строк: я такая-то, может, вы меня помните. Он в ответ прислал огромное письмо: как вы могли подумать, что я вас забыл! Завязалась переписка. Я приехала с приятельницей в Москву на каникулы, позволила ему. И все у нас пошло-завертелось. Но настоящего романа еще не было. Он человек семейный, я жила у подруги, встречаться нелегко. Мы ходили куда-то в гости, в театры, на выставки. А на следующий год у меня с сентября годичная стажировка в Берлинском университете. И это была такая трагедия, что я даже не ожидала. Мне казалось, мало ли таких девочек, я видела их косыки, табуны вокруг него... Оформление шло через Москву, я приехала, и вот тут все началось.

Он сразу сказал, что полюбил?

Он вообще таких слов не говорил. Он был человек необычайно чуткий к словам. Он сказал, что когда первый раз меня увидел, а там были какие-то девушки, которые, по его словам, его домогались, он смотрел в их красивые глаза и вспоминал мои. Он, наверное, мало общался с такими правильными девушками и такими бескорыстными. Потому что мне от него ничего

не было надо. Я знала многих, кто умирал — стремился в Москву. Я не стремилась.

А когда вы его полюбили? И за что?

Я даже не знаю. Для меня определение любви — это вот такая нежность, от которой дышать нельзя. Я не знаю, любовь или не любовь, но он почему-то во мне это вызвал сразу. Помню, когда уезжала из Дубуты, шел дождь, он был в синей куртке с капюшоном, скинул капюшон, а под ним этот седой ежик, и я его погладила по голове, и он заплакал. Это меня потрясло, потому что его это потрясло. Знаменитый человек, тысячи знакомств, и не смотря на всю внешнюю плейбоистость...

Такое чувство, как к ребенку. И до конца он вызывал во мне вот эту невозможную, шемющую нежность.

Сколько вы прожили?

10 лет. Он не сразу ушел от семьи. Там девочки-подруги, которых он обожал. Он оставил большую 5-комнатную квартиру в писательском доме. Жить было нелегко. Снимали квартиру. А потом появилась возможность получить однокомнатную квартиру, но для этого надо было заключить брак. Мы заключили.

Как ваши родные ко всему отнеслись?

Плохо. Очень плохо. Бабушка с дедушкой коммунисты. Высокопоставленные люди.

Антисемиты. Все было очень тяжело. Страшные для меня годы, потому что отвернулись все. Там благополучная семья, а тут никого, денег нет, еды нет, одежды нет, магазины пустые.

Вас не посещало сомнение: не бросить ли?

Его? Нет. Я его бросить уже не могла. Я его выдернула из семьи, я понимала, что он туда не вернется. У меня никогда не было детей. Но я, может, к своему ребенку так бы не относилась, как к нему.

А почему у вас не было детей?

Возможности для этого не было никакой. Ведь мы получили двухкомнатную квартиру и Госпремию года за полтора до его смерти, хоть какие-то деньги появились.

Вы ссорились?

Да. Из-за того, что он тратит свою

жизнь не по делу, мне казалось. Он человек был выпивающий. Все эти люди, что выпивали с ним... За исключением, конечно, его настоящих друзей, равных ему по интеллекту. Давид Самойлов. Его жена, о которой Юра говорил: Галя — это почти Самойлов. Булат Окуджава. Юрий Давыдов. Феликс Светов. Юлиу Эдлис. Но чаще приходили какие-то ребятки с шаржирными глазами, и я видела саморазрушение. Он ведь был очень болен.

В 1990-м мы ездили в Брюссель делать ему операцию серьезную на сердце, Максимова, Бродский, Неизвестный дали деньги. Очень тяжело было. Мне хирург сказал, что я должна с ним попрощаться, большой шанс, что не выживет. Они же все говорят. Помните, Евстигнеев сказали, и он умер до операции. Естественно, я с ним прощаться не стала, наоборот, говорю, профессор сказал, все будет отлично, у тебя не такая сложная ситуация. Операция дли-

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ. Родился 22 января 1922 года, умер 25 января 1996 года. Участник Великой Отечественной войны. Начал печататься во фронтовых газетах. Автор поэтических сборников «Земное небо», «Кинематограф», «Воспоминание о красном снеге», «Годы», «Белые стихи» и др. Лауреат Государственной премии России.

лась часов пять, это был католический госпиталь, там большой сквер, я ходила в сквере все это время, голова пустая. Он лежал в палате на 6 человек, и все на нас смотрели, что такой пожилой муж и такая молодая жена, а он еще русский писатель, я это всем говорила, чтоб отнеслись к нему соответственно. И вот я пришла в палату, смотрю, а на его кровати лежит другой человек. Я так тихо стала сползать по стенке. Больные, видимо, увидели мое белое лицо и стали кричать: но, но, реанимация. Он был в реанимации, как я не догадалась. Побежала на пятый этаж, меня не пускают, говорят, рано. Я сказала, что мне надо, на смеси немецкого и французского и про-

Ирина Левитанская (справа) любила своего знаменитого мужа (слева), как ребенка.

шла. У него такие проводочки-проводочки. Пришел в себя, увидел меня, говорит: мне так холодно. Я говорю: зато ты жив...

Он был человек неуверенный по всем том. Свои потрясения, впечатления, мысли он должен был выразить вербально, проговорить, чтобы проверить. Для этого ему нужны были слушатели. Он оттачивал и на мне какие-то мысли, но что я, девчонка, могла ему ответить? Я целый день на работе, надо было зарабатывать деньги, он оставался один.

Что вы делали?

В театре у Валерия Фокина занималась зарубежными театрами.

Он ревновал?

Он никогда об этом не говорил, но поэт, мог какую-то идею развить. Я расстраивалась, когда читала какие-то стихи: как ты мог такое про меня написать? Он говорил: ты слишком буквально воспринимаешь литературу. Я как дурочка рыдала, сидела над его стихами, посвященными другим женщинам.

Стало быть, не он, а вы ревновали?

Ужасно. Может, он умел скрывать, зрелый человек, я не умела.

Он утешал вас?

Нет, смеялся. Я думаю, он меня любил, а с другой стороны, в первые годы, наверное, его охватывал ужас: что я делаю с этой девочкой! Потом он понял, что я верный человек и для меня всего важнее, чтобы с ним было хорошо. Я за него могу жизнь отдать, он это точно знал.

Вы догадывались, что он умрет раньше вас?

Когда все случилось, моя мать, прилетевшая на девять дней, говорила: я смотрю на тебя и поражаюсь, чего ты так убиваешься, у вас 44 года разницы, ясно было, что он раньше тебя умрет.

Он ведь выступал в мэрии против войны в Чечне и там умер?

Это был Татьянин день, 25 января. Мы отсидели на работе, я задержалась на полчаса. Пришла домой, его нет. Думаю: пошел после выступления куда-то выпивать. Ну нравится человеку, пусть. Вдруг звонок. Женский голос: Марина? Я говорю: нет, это не Марина, это Ирина. Думаю, кто-то знал его первую жену, перепутали. Снова звонок и тот же голос: это поэтесса Татьяна Кузнецова, мы вместе с Юрием Давыдовичем выступали, ему стало плохо. Я сразу спросила: он жив? Она что-то забормотала и положила трубку. И в третий раз позвонила, стала говорить о реанимации, я опять спросила: он жив? Она сказала: нет. Она еще сказала: мы хотим вам привезти документы, вещи, объясните, как проехать. Я сказала: я не могу объяснить, я не знаю, перезвоните позже. У меня не бывает истерик, я не начинаю битьсь, но я должна была с этим как-то справиться. Вскоре они приехали, мы посидели.

Вы плакали?

Я на людях не плачу. Во всяком случае, стараясь. Это был такой шок, который трудно осмыслить. Я плакала потом, очень много, когда его похоронили. Мы жили в доме, где, я была уверена, никто нас не знает. Оказалось, все знали. И когда я плакала ночью — а я же была совершенно одна,

я, видимо, так рыдала, что пришла пожилая соседка и говорит: я слышу, как ты плачешь, я хочу тебе сказать: у нас в деревне говорили, что за такой смертью в очереди на стоишь, не плачь, смерть, как у него, лучше не бывает.

Помогло вам это?

В какой-то мере да. Я поняла, что для него это, правда, лучше всего. Он страшно боялся смерти. Разговоры о смерти, о старости — это было табу у нас. Я подумала, какой был бы ужас для него, окажись он парализован. Потом уже начались психиатры, мне казалось, я схожу с ума. И ужасное чувство вины.

Вернемся к началу. Все-таки покойный человек, чем он мог взять? Пылко ухаживал?

По-первых, он был красавец. У него было такое лицо, которое взгляд сразу хватывал из толпы. В нем была такая бездна обаяния. К нему все тянулись. Мы приходим в ЦДЛ в ресторан, когда там можно было пообедать на 2-3 рубля. Выходной, дети. Он говорит: сейчас все дети придут ко мне. Через 15 минут все тут. Он ничего этого не делает. Не приманивает, не зовет. Все собаки, все кошки шли к нему, он их не прикармливал. Он приходил в гости и говорил: дайте салфетку, потому что ваша собака сейчас будет возле меня. Говорят: да наша собака ни к кому не идет. Он говорит: салфетку. Собака садилась рядом, клала мокрую морду ему на колени и никуда не уходила. Это было поразительно.

И вы как собака или кошка?

Ну да. И женщины так шли за ним. Я понимала, что до меня у него было много женщин, они подтвердят, что в нем была бездна обаяния. Его отношения с женщинами благороднейшие. Для него женщина не утилитарна, не объект наслаждения. Каждая — непостижимая тайна. Не восторженное отношение, нет, но как к чуду. Его богатый опыт прибавлял, а не отнимал.

Вы перечитываете его стихи, какие у вас отношения с ними?

Мне не надо перечитывать, потому что я огромное количество их знаю наизусть. Все, что я люблю, во мне. Я всегда сидела в зале на его вечерах. Я все запоминала. Я могла воспроизвести его манеру чтения, он ужасно смеялся.

А то, что вам посвящено?

Когда я читаю или кто-то читает, радо-

сти мне не доставляет. Это слишком сильное ощущение, это больно.

Как вы живете? С ним или уже без него?

Трудно сказать. За это время выпило пять книг. Вечера проходят. Я занята его наследием. Я человек неверующий и не мистический. Но он мне постоянно снится живой, видимо, потому что я не видела, как он умирал. Я видела его на похоронах, но это было очень странно. Когда уже приехали люди и спрашивали, в чем похороним, у меня до последнего была мысль, что они перепутали. И только когда уже в морге вышел санитар и спросил: ваш с усами, такой невысокий, — я поняла, что это он.

Если б вам пришлось его характеризовать как человека, что бы вы сказали?

Я скажу вам впервые. Мне кажется, он человек, который прожил не свою судьбу, не свою жизнь. Он всегда играл какие-то роли, навязанные временем, страной, окружением: роль воина, роль плейбоя, роль мужа, роль любовника. Эти роли он все играл прекрасно. Он прекрасным был воином — у него орден Красной Звезды. Он прекрасным был отцом. Плейбоем тоже будь здоров, у него хорошо получалось. Но чем дальше, тем больше у меня ощущение, что он был просто очень одаренный ребенок. Он рано перестал быть ребенком. В 19 лет он уже был на фронте. Ему хотелось уйти от родителей, они жили в маленьком городке в Донбассе, ему хотелось в большой город. Уехал в Москву, поступил в знаменитый ИФЛИ, потом женился, потом началась война, потом надо было кормить родителей, жен, детей. Один его друг считает, его погубило то, что его втянули в политические игры, ему не свойственные.

Он был отзывчив на всякую боль, его ранило то, что происходило в стране.

Он играл в эти игры по правилам, он всегда соблюдал правила, а они не соблюдали. Уходил от жены в одни бродяжки, все оставляя, библиотеки, квартиры, деньги. Моя заслуга, может быть, в том, что я поняла, что ему хочется быть маленьким, слабым, хочется быть ребенком. Он обожал быть таким со мной. Ему не надо было передо мной выпендриваться. Он перестал стесняться со мной, понимая, что я тот человек, который это в нем любит, и я дам ему последние годы пожить так, как он хочет, не отягощенным лишними обязанностями. Может, поэтому я не хотела ребенка, что он был моим ребенком. В первые годы он мне говорил: ты мешанка. Я понимала, что я, девочка из мешанской семьи, провинциальная дурочка, не могу быть ему адекватной. Но в конце жизни, года за полтора, он сказал: знаешь, я понял, что лучше этого ничего нет, вот ты и вот я, и что-то там происходит за окном, а мы все равно вместе.

Скучно без него?

Даже нельзя сказать, что скучно... Общение с такими людьми, оно развращает. В том смысле, что после него трудно с кем-то общаться. В 35 больше понимаешь, чем в 20.

Вы одна?

Я не одна. Но я понимаю, что такого у меня больше не будет. Короче говоря, у меня уже все в прошлом, скажем так. Дальше будет, может быть, более комфортно, более радостно и даже, может, более счастливо, но самое важное в моей жизни уже произошло.

Ольга КУЧКИНА.
Фото из семейного архива Ю. ЛЕВИТАНСКОГО.

САМОЕ ИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ЮРИЯ ЛЕВИТАНСКОГО

— Что происходит на свете?	— Чем же все это окончится?	Следует шить, ибо, сколько вьюге ни кружить, вьюге ни кабала и опала.
— А просто зима.	— Будет апрель.	Недоповечны ее кабала
— Просто зима, полагаете вы?	— Будет апрель, вы уверены?	и опала.
— Полагаю.	— Да, я уверен.	Так разрешите же в честь новогоднего бала
Я ведь и сам, как умею, следы пролагаю	Я уже слышал, и слух этот мною проверен	Руку на танец, сударыня, вам предложить.
В ваши уснувшие ранней порою дома.	Будто бы в роще сегодня звенела свирель.	
— Что же за всем этим будет?	— Что же из этого следует?	Месяц — серебряный шар со свечью внутри.
— А будет январь.	— Следует жить!	И карнавальные маски — по кругу, по кругу.
— Будет январь, вы считаете?	— Шить сарафаны и легкие платья из ситца.	Вальс начинается.
— Да, я считаю.	— Вы полагаете, все это будет носиться?	И — раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.
Я ведь давно эту белую книгу читаю, старинный букварь.	— Я полагаю, что все это следует шить!	